

Безмолитвенный Антон Сергеевич

Аспирант кафедры онтологии и теории познания философского факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова

Тема доклада:

**Трансформации современной аналитической философии:
феноменологические аспекты когнитивного подхода Г. Ханта**

моб. тел: 8-903-263-39-96

e-mail:organize@list.ru

Тезисы:

Сознание – объект, традиционно находящийся под подозрением у философов-аналитиков. Это и неудивительно, учитывая тот факт, что начиналась аналитическая философия с попыток элиминации самого понятия сознания как «нечетко определенного» в рамках проекта по очищению языка от метафизических наслоений. После так называемого «Вюрцбургского спора» в англо-американской философии считалось плохим тоном апеллировать к интроспекции как методу и континентальной традиции описания опыта «от первого лица». Общей стилистикой стала молчаливое признание эпифеноменальной природы сознания, исключенного из научного обихода, предчувствие близкого торжества идеологии бихевиоризма и программы «сильного искусственного интеллекта», которая, как полагали, – раньше или позже – позволит окончательно присвоить этому термину статус «флогистона» и выбросить на свалку истории, как научный артефакт, реликт устаревших концепций.

Однако в последнее время в американской аналитике, уже разработавшей до основания подход «от третьего лица», наблюдается феномен «возвращения изгнанного» – постепенный переход от философии «mind» к философии «consciousness».

Попробуем рассмотреть причины такого положения вещей.

Изначально сама претензия на исследование сознания научными методами предполагает странную диалектику: предмет рассмотрения – мысль, чувство, сновидения, творческие и измененные состояния – традиционно находящий свое выражение в произведениях искусства, религии, мифологии и личностном экзистенциальном опыте, должен быть формально концептуализирован на языке экспериментальных методов, хорошо себя зарекомендовавших в физике, но, по всей видимости, неприменимых напрямую или, по крайней мере, нуждающихся в основательной модификации для того чтобы осмысленно употребляться в сфере, традиционно считающейся гуманитарной.

Соответственно, когнитивистика, как концептуально, так и методологически склоняется к делению на исследователей, рассматривающих эту дисциплину с точки зрения того, что Дильтей называл *Getstwissenschaften* (а мы бы сейчас, наверное, сказали «с точки зрения герменевтики») – т.е. основываясь на методах «понимания», «вчувствования» или феноменологической проекции, – и сторонников традиционно понимаемой научной психологии, по-прежнему считающей себя естественной наукой, т.е. *Naturwissenschaften*.

Реакцией на этот дуализм чаще всего бывают попытки поглощения одного из подходов другим. Психологи-естественники утверждают, что все вопросы, относящиеся к опыту, в конечном итоге войдут в нейрофизиологию. Такой редукционизм не может не вызывать отклик у противоположной стороны – крайнего спиритуализма, который трактует нейрофизиологию в качестве эпифеномена сознания.

Существует ли возможность для возникновения подлинного междисциплинарного диалога о природе сознания? Гарри Хант – один из первых исследователей в стане аналитических философов, который отвечает на этот вопрос утвердительно.

Анализируя историю развития когнитивных теорий и прослеживая истоки возникновения перекоса в сторону естественнонаучного редукционизма сознания, свойственного англо-американской философии, Хант отмечает Вюрцбургский спор, который сыграл роковую роль в развитии интроспекционизма. Вкратце опишем его суть:

Две самые влиятельные интроспекционистские лаборатории начала XX в. – Вюрцбургская, под руководством Кюльпе, и Корнелльская, во главе с Тичнером – решили распространить интроспекцию на более сложные процессы символического мышления и умозаключения. В лаборатории Кюльпе наблюдатели не обнаружили ничего. Мысль просто приходит. Это неощутимое осознание – хотя там и есть нечто, обнаруживаемое посредством интроспекции, однако оно не поддается дальнейшему определению. Тичнер и его коллеги подозревали вюрцбургских наблюдателей в «стимульной ошибке» и сами сообщали о множестве чувственно-образных качеств в процессе мышления, хотя и соглашались, что они часто оказываются не имеющими отношения к его явной теме. Научный мир в ужасе отшатнулся: если один и тот же метод ведет к столь разным результатам – мысль как неосознаемое состояние и мысль как игра образов – очевидно, что метод должен быть признан недействительным. Именно с этого момента когнитивистика и психология как наука приняли установку заниматься только внешне измеримым поведением.

Более того, радикально настроенные редукционисты и сторонники теории искусственного интеллекта, в частности, Хэмфри, Марсель и Баарс, сочли этот спор основанием для отказа от приписывания самосознанию («ощущению смысла») вообще какой-либо конструктивной роли в познавательной деятельности, определяя сознание как формальную систему, связанную с управлением, выбором и синтезом неосознаваемых процессов. На самом деле, такой отказ чрезвычайно важен для движения ИИ. Если бы сознательная осведомленность оказалась необходимой для понимания символического познания, то компьютерные модели познания неизбежно должны были ограничиваться теми частичными функциями, которые могут оставаться полностью автоматизированными.

Таким образом, реабилитация сознания как действующего когнитивного фактора и научной значимости феноменологического подхода к его описанию неразрывно связана с критикой теории «сильного ИИ» – т.е. представления о том, что сознание не зависит от аппаратной среды (нейросубстрата), являясь производным от уровня сложности системы, и может быть получено на любой подходящей для этого основе (например, кремниевой).

Эта критика у Ханта имеет два аспекта – праксеологический и концептуальный. Основываясь на отсутствии у сторонников «сильного ИИ» работающей модели, способной хотя бы приблизительно обрисовать способы достижения «сознательности» и воспроизводя вслед за Дж. Серлем аргумент «китайской комнаты», он приходит к выводу, что у компьютера «есть синтаксис, но нет семантики» – в противоположность высшим обезьянам, обученным языку жестов. Программы дают правила для манипулирования знаками, но даже когда такие манипуляции проходят тест Тьюринга, только программист может приписывать значение получившемуся результату. Хант отмечает, что компьютерные модели, возможно и отражают дальнейшую эволюцию полностью отделенного когнитивного бессознательного, но не имеют ничего общего с действительными функциями сознания. Сознание не может спонтанно возникать из системы, неспособной чувствовать – независимо от ее рекурсивной сложности.

Что же предлагает Гарри Хант в противовес «дигитальному» функционализму? Он предлагает отказаться от предвзятости в исследовании такого сложного феномена, как сознание, и рассмотреть его комплексно, сразу с нескольких точек зрения – когнитивной, феноменологической и трансперсональной.

В качестве базовой Хант принимает достаточно интересную идею разделения презентативного и репрезентативного сознаний, как двух основополагающих форм символического познания. Это различие разрабатывали Сьюзен Лангер, Маршалл Эделсон и Робер Хаскел.

В репрезентативном символизме, представляемом естественным языком, и, возможно, наиболее полно разработанным в математике, первоепенное значение имеет конкретное интенциональное отнесение, а средством выражения является автоматизированный и по большей части бессознательный код. Здесь, действительно, согласно Лакану, Соссюру и постмодернистам, отношение между означающим и референтом является произвольным – знаки, в конечном счете, определяются только по отношению к другим знакам.

В презентативном же символизме смысл возникает в результате эмпирического погружения в выразительные паттерны среды. Он возникает в виде игры образов и разрабатывается в выразительных средствах искусства. Возможность возникновения такого смысла обеспечивает установка, ориентированная на пассивное восприятие, общая для эстетики, медитации и классической интроспекции.

Эти формы символизма с необходимостью переплетаются друг с другом. Обычная ситуация общения наполнена интонациями, жестами и акцентами в качестве своего презентативного аспекта, однако нормальный речевой акт предполагает с необходимостью также и репрезентативный – полностью увлечься тембром голоса собеседника значит утратить соотносительную нить дискурса. При этом генетически исходным для появления первичного трудноуловимого ощущения смысла является презентативный аспект, до сих пор не ставший еще предметом систематического научного изучения. Выявляя пути более полного проявления и осознания последнего, Хант приходит к необходимости задержки или подавления репрезентативного значения, достигаемой посредством медитации, интроспекции, тахистоскопических экспериментов и даже опытов по локализации полушарий мозга посредством рассечения комиссур.

Анализируя феноменологический подход к описанию сознания, Хант последовательно рассматривает концепции Джеймса, Гуссерля и Хайдеггера, сопоставляя их с экологическим строем Гибсона, буддизмом Махаяны и опытом измененных состояний сознания. Однако основным объяснительный принцип концептуализации сознания для него оказывается синестезия. По мнению Ханта, точка зрения, согласно которой синестезия обнаруживает внутренний аспект способности к межмодальной трансляции, лежащей в основе символического познания, позволяет разрешить Вюрцбургский спор, объединяя в себе понимание мышления как логики высказываний и как абстрактной пространственной игры образов. Двойственность презентативного и репрезентативного сознания снимается в соответствующем ему единстве синестезии, которая, как показали эксперименты Уиллера, Катсфорта, Гендлина и самого Ханта, может быть описана и как специфический сенсорный эффект, и как ассоциации одной модальности с другой.

Таким образом, посредством концепции осознания как эмерджентной синестезии, Гарри Хант реабилитирует методологию описания «от первого лица» в рамках аналитической философии в качестве метода, необходимого в экспериментальном психологическом исследовании сознания, предлагая серьезную альтернативу функционализму, находящемуся сегодня в зыбком концептуальном кризисе.

Литература:

1. Gardner H. The mind's new science: A history of the cognitive revolution. N.Y., 1985.
2. Humphrey N. Consciousness regained. Oxford, 1983.
3. Hunt H.T. The multiplicity of dreams: Memory, imagination, and consciousness. Yale, 1989.
4. Titchener E. B. Systematic psychology: Prolegomena. N.Y., 1929.
5. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.
7. Куайн У.О. Слово и объект. М., 2000.
8. Прист С. Теории сознания. Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М., 2000.
9. Серль Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
10. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
11. Хант Г. О природе сознания. М., 2004.
12. Хофштадтер Д. Р. Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Бахрах-М, 2001.
13. Юнг К.Г. AION: исследование феноменологии самости. М., 1997.